

КОГДА ПРОКРИЧИТ ЧЕРНЫЙ ШУМЕРСКИЙ ПЕТУХ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ПРОЗЫ И НОН-ФИКШЕН

ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

Проза

МАРИЯ СОЛОВЬЁВА, «ОШИБКА ПУСТЫНИ» («ПОЛЫНЬ»)

Лалу всегда называли уродиной за странную, почти звериную внешность, и в детстве она стала буквально сексуальной рабыней старого пирата Ростера, которого боялись все в замке, даже господа. Но время шло. Из пьяных баен героиня узнала, что она не уродина, а представитель другого народа, живущего далеко-далеко, близ Пустыни, за стеной. Вскоре Лала убила старого пирата, случайно познакомилась с его потерянным сыном и прибыла в родные края, только ей тут не рады. Прежде чем узнать, что значит змея-татуировка на ягодице, где теперь ее родители, кто такие Мастера Смерти и почему женщины-мастера опаснее других, Лале предстоит вновь стать практически рабыней.

В книге, пожалуй, описан один из самых необычных русских фэнтези-сеттингов последних лет. Пустыня, которая дарует жизнь и требует, чтобы все, что от нее произошло, вернулось обратно; Мастера Смерти, способные умерщвлять, превращая живое в песок, — да и самим им перед смертью необходимо уйти в Пустыню. Назалось бы, роман должен быть полон восточного колорита в привычном смысле, но... здесь ощущается нечто иное. Мир Марии Соловьёвой навевает воспоминания о работах японских мастеров графики и анимации: и сюжетные ходы, и визуальные решения, и работа с характерами и арками персонажей — все это выстроено так, как обычно бывает в аниме или манге; хочется, чтобы посредством волшебной метаморфозы роман визуализировался. Однако все твисты, открытия главной героини и предательства сводятся к двум вещам. Во-первых, «Ошибка Пустыни» — история о стареющей системе власти, которая намеренно поддерживается в архаичном состоянии

и постепенно разрушается. Во-вторых, это, безусловно, история духовного роста и личного пути главной героини, своеобразный квест в поисках родителей. На дороге к цели будет много неприятной правды; много решений, которые не так просто принять: уже с первых страниц в рамках «обучения» героиню заставляют убивать невинных живых существ.

Мария Соловьёва прежде всего филигранно отыграла карту Лалы: ведь намного важнее то, что происходит в ее голове (и происходило в детстве), нежели бодро сменяющие друг друга события. К «Ошибке Пустыни» так и хочется применить формулу небезызвестного романа Роберта Хайнлайна — чужак в стране чужой; загвоздка в том, что чужая страна для Лалы — родная. Только это не готовы признавать ни ее сородичи, ни, на первых порах, даже она сама. Бодрый, не лишенный юмора, но в то же время достаточно мрачный и трагичный роман, как песок, впитывает все страдания главной героини. Они преследуют ее с детства, с того самого момента, как за спиной захрипел покровитель-насильник, а на надгробье любимой травницы пришлось рисовать узоры — чтобы память о ней продолжала жить.

«Новая жизнь Лалы среди ашайнов, как называли себя пустынные, причудливо переплелась со старой: та же работа на скотном дворе, та же неприязнность со стороны окружающих. Первое время ей было трудно, но не тоскливо. Она, как измученный жаждой путник, набросилась на новые знания. Язык давался ей легко, хотя от акцента избавиться не получалось. Служанки, с которыми Лала делила большую комнату, сначала сторонились ее и не вступали в разговоры, но со временем привыкли и даже обращались с мелкими просьбами. А еще ее научили плести косы, положенные для людей ее сословия. О происшествии со змеей никто не вспоминал. Позднее Лала узнала, что госпожа запретила говорить об этом под страхом наказания.

Наказывали слуг просто, без фантазии, которую наблюдала Лала в замке Фурд. Провинившиеся не имели права пить несколько дней, но получали сладкие сушеные фрукты. Лале стало смешно, когда она первый раз увидела такое наказание. Но когда через четверо суток почерневшая, еле живая служанка с безумными глазами откусила край глиняной чашки с водой, Лала решила не испытывать судьбу. Кто знает, как она перенесет подобное, ведь местные с детства привыкают жить в подобных условиях».

АЛЁНА СЕЛЮТИНА, «И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО» («МИФ»)

Роман сложно отнести к одному жанру: это одновременно и городское фэнтези с мотивами русских народных сказок, и юмористическая проза, и детектив, и бытовая драма. Назалось бы, удержать в одном котле столько разных ингредиентов — так, чтобы они не убежали, как молоко, — сложно, но Алёна Селютина колдует над текстом не хуже своих героев — они, правда, озабочены другой заварушкой. Нашей и Василиса уже много лет женаты и живут себе в нашем мире, попутно работая в Западно-Сибирском отделении по надзору за магией и магической миграцией: руководит конторой кот Баюн в человеческом облике. Его «секретарша» — Варвара, да и Финист Ясный Сокол, конечно, от дел не отходит. Задача этого отделения — следить за тем, чтобы, например, никто не использовал слишком мощные сказочные артефакты: скажем, блюдечно с голубой каемочкой еще ничего, а вот искра из огненной рени Смородины по силе сопоставима с ядерной бомбой. Но самый большой босс отделения — царевна

Лебедь, живущая в волшебном Тридевятиом Царстве. И зачастую оттуда в реальный мир нелегально проникают не самые приятные гости. Нан назло, погибает старая болотная ведьма, оставившая в своей избушке двух сироток с сильным магическим даром. Василиса и Нашей берут их под опеку, попутно пытаясь разобраться, кто же высосал жизнь из старухи-ведьмы. Тут-то и вернутся призранные прошлого — бывшая жена Нашей, например, — которые испытают отношения на прочность. И будто этого было мало, по программе обмена опытом в отделение вдруг прибывают Гензель и Гретель.

На сжатый рассказ о сеттинге и завязке романа уходит много текста, однако сюжет это никак не тормозит — Алёна Селютина постепенно вводит все детальки мироустройства, похожего в бесконечных «причудах» и бюрократии на «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Или, скорее, на вариацию романа в фильме «Чародеи». Книга как раз сохраняет ту же ироничную и совсем не пошлую манеру (пусть в тексте и будут шуточки про сенс и контрацепцию). Герои мыслят в современной парадигме, и даже предложения заказать пиццу, сходить на шопинг и вызвать мастера для ремонта холодильника звучат органично — ведь, как ни парадоксально, мир реальный стал для сказочных героев более родным, чем, уж простите тавтологию, мир сказочный. Хочешь, чтобы герои шутили метко и свежо, — будь любезен осовременить их психологию. Алёна Селютина это понимает. Автор вообще вырабатывает какой-то абсолютно новый подход к юмористическому фэнтези, по крайней мере в российском сегменте, где все приколы вставлены не просто ради шуток, герои — взрослые и осмысленные личности (стоит подчеркнуть — личности, а не просто пустые осовремененные вариации сказочных образов) со своими проблемами и надломами, а за всем юмором спрятан глубокий смысловой пласт. Не философский, как у Терри Пратчетта, а скорее

социально-психологический. Это совсем не то юмористическое фэнтези, которое читатель привык видеть в самиздате: истории о том, как юная она полюбила юного его, или о том, как неуклюжей ей ничего не удастся, пока не появляется великолепный он. По мотивам романа просится как минимум несколько небольших синвелов-повестей о жизни и приключениях второстепенных героев: автор не жалеет на них краски. Интересно, кстати, что, как пишет Алёна Селютина в послесловии, книга родилась из реального бытового эпизода — не удивительно, что текст ощущается настолько живым.

«По совету Данилы, чтобы Гензель и Гретель случайно не прониклись теплыми чувствами к Конторе, но при этом и не смогли обзвизнуть их ни в чем конкретном, на них напустили домового Савелия. Домовой был стар и сердит, считал, что мир катится в тартарары, и раз уж такое дело, то можно и ускорить процесс. К работе он приступил со всем возможным энтузиазмом. В первую же ночь, стоило разыгаться ливню, ветер распахнул неплотно закрытые створки деревянного окна, и брат с сестрой проснулись от того, что их поливало водой. Постели оказались абсолютно мокрыми. Они достали из дорожной сумки тяжелые плащи, побитые мехом, по привычке кинули их на пол и приготовились спать дальше. Но не тут-то было. Где-то в углу что-то зашуршало. Гретель положила на руку брата ладонь.

— Просто мышь, — ответил Гензель.

Из угла вновь донесся шорох. Потом писк. Потом все стихло, и Гретель наконец уснула, а наутро невыспавшиеся толком от смутных кошмаров, мучивших их всю ночь, брат с сестрой обнаружили, что их плащи обзавелись искусно выгрызенным узором, причем в самых разных местах.

— Просто мышь, да? — сквозь зубы поинтересовалась Гретель. — Правильно говорят, что русские — настоящие варвары, как они живут в таких условиях? Она протянула руку, чтобы включить чайник, и тот ударил ее током».

МАРИЯ РУДНЕВА, «ПОХОРОННОЕ БЮРО “ХЭЙЗЕЛ И СМИТ”» («ЭНСМО»)

Мистер Дориан Хэйзел решает инвестировать в похоронный бизнес — и не только потому, что в его доме живет призрак, некогда работавший гробовщиком. В викторианской Англии на таком предприятии действительно можно прославиться! В качестве партнера Дориан находит обаятельного и энергичного гробовщика Валентайна Смита, который к тому же после попадания шаровой молнии в глаз может видеть призраков. Так и появляется похоронное бюро «Хэйзел и Смит», где помогут не только живым, но и мертвым: с помощью электричества и современных технологий дадут почившей жене пообщаться с мужем и упокоят самоубийцу так, чтобы не переживала ни она, ни ее мать.

Если на первый взгляд кажется, что Мария Руднева подготовила набор чернушных викторианских юморесок с призраками и типами готической внешности, то ко второй половине романа все косточки наконец-то срастаются воедино: в городе происходят странные ритуальные убийства, как-то связанные с Индией. И вот так совпадение: мистер Валентайн был в экспедиции к далеким храмам, участники которой и погибают. С этого момента текст, не теряя обаятельного черного юмора и стилистики эпохи, входит в совершенно иное русло — становится детективом с легкими

элементами боевика, этаной условной смесью «Шерлона Холмса» и ранних романов писательницы Наташи Пулли (Полли), которую Мария Руднева, к слову, очень ценит. Безумная смесь культур не портит книгу — наоборот, один заупокойный культ намеренно вступает в конфликт с другим. Все индийское в книге до жути экзотическое (а каким еще его могут воспринимать главные герои?), а все английское — до жути английское. Чего стоит сам Валентайн — чудак, внутри которого, как некая взрывчатая смесь, бурлит концентрированный дух эпохи, который можно использовать и во зло, и во благо. Все это, конечно, не «нлюкв», а намеренный прием, лишь придающий тексту гротескности.

«Похоронное бюро», как уже было сказано, выдерживает стилистину эпохи — весь текст пронизан шутками-наламбурами в лучших традициях Оснара Уайльда. Герои и признаются, что гениально можно не только говорить, но и молчать; предложат друг другу, как порядочным христианам, воскреснуть в Пасху, а не в другие праздники. И вот легким движением руки возникает еще одна ассоциация: чернотой юмора, общей тональностью и упором на запоминающихся гротескных персонажей (которые, кстати, часто иронизируют над этим, отчасти ломая четвертую стену) книга напоминает сериал «Что мы делаем в тени». Однако в истории о людях, призраках и духах главный дух, конечно, — дух Викторианской эпохи и ее причудливого, непонятного, безграничного культа траура. Стоит сказать спасибо овдовевшей Виктории, на что Мария Руднева, конечно, намекает. Автор вообще много на что намекает: от Мэри Шелли до чумы 1665 года, из-за которой на кладбищах хоронить стали в четыре слоя. Но не стоит думать, что шутками и отменной стилизацией Мария Руднева ограничится — она подготовила читателю достаточно личных драм. Их тут хватает как у главных героев, так и у второстепенных.

«— Простите, — не выдержал я. — Мы похоронное бюро, а не пекарня. Как возможны постоянные клиенты?»

— Бывают люди, у которых большие семьи, — с непроницаемым лицом ответил Валентайн и тут же снова рассмеялся. — Однако я к тому и веду — не только смерть, не только похороны, но все сопутствующие услуги. Представьте себе! Милая вдова, потеряла мужа, какое горе! Несколько лет траура — ей же, конечно, хочется выйти замуж снова? А значит, траура самого элегантного, с платьями по последней моде, шелковой отделкой, и украшениями. А украшений нужно много! И на эти несколько лет милая вдовушка привязана к нам, бесконечно добрым и понимающим ее горе людям, и закупается платьями, украшениями и модными принадлежностями только у нас. Затем — конечно, не в последнюю очередь благодаря нам! — она снова выходит замуж. И — о ужас! — ее муж снова умирает от несчастного случая через пару лет. И она уже знает, к кому идти. И вместе с ней приходят убитые горем подруги, готовые тратить огромное состояние покойного!

Валентайн говорил так убедительно, что я уже почти видел это юное хрупкое создание на нашем пороге, в черном платье из матового шелка, с черным гагатом на шее и слезами в огромных оленьих глазах. Я сам едва не пустил слезу от такой картины.

— Вот, — обрадовался Валентайн. — Вы поняли мою мысль!

— Значит, в нашем похоронном бюро будут все услуги для молодых вдов?

— И вдов. И вдовцов. И матерей. И примерных сыновей с дочерьми... Для всех, кому будет нужна наша помощь. Однако преимущественно женщины заинтересованы в том, чтобы траур был красивым и модным. Мужчинам в наше время достаточно одной траурной ленты. Мода безжалостна».

ШЕХАН КАРУНАТИЛАКА, «СЕМЬ ЛУН МААЛИ АЛМЕЙДЫ» («СТРОНИ»)

Душа жестоко убитого фотографа Маали Алмейды попадает в Между-мирье: пространство, где можно сгинуть навсегда, прийти к Свету или заново родиться. У Маали есть семь лун, чтобы вспомнить, как он умер, найти убийцу и помочь любовнику и лучшей подруге отыскать негативы своих снимков, которые могут пролить свет на самые грязные закулисные дела политиков. В мире живых за негативами уже началась охота.

Роман-победитель Бунеровской премии — 2022, как губка, впитывает в себя сразу множество жанровых элементов: это и детектив, и фэнтези, и боевик (особенно к финалу). Уже одно это делает текст весьма причудливым, но Шехан Карунатилана добавляет сюда еще больше пестрых конфетти: тут есть персональные демоны политиков, ушные раковины, показывающие количество предыдущих жизней, доктора-ангелы, бандиты, журналисты, магические ветры, казино, нлубы, гомо- и гетеросексуальные отношения. Эти причудливые элементы формы дополняются не менее причудливым повествованием: рассказчик весь текст обращается к главному герою на «ты» и будто бы говорит еще и с читателем. «Причудливый» в контексте этой книги — очень хорошее слово.

Все эти, казалось бы, слишком несочетаемые элементы оказываются ингредиентами прочного сплава, из которого Шехан Карунатилана, подобно древним ремесленникам, отливает зеркало: в нем отражается Шри-Ланка, которая становится не просто туристическим центром, а местом жестоких политических игр и религиозной борьбы; колониальные шрамы еще не зажили. Играя с грязными секретами сильного мира сего, автор не раз подчеркивает, что настоящие чудовища — люди, и никакой бог, каким бы он на самом деле ни был (светлым, темным, нейтральным, Любим), тут не поможет. Однако «Семь Лун Маали Алмейды» — не просто

религиозно-политическое высказывание. Это история прежде всего о человеке, который погряз в топях погубивших его личностных проблем и слишком многое не успел сказать близким при жизни — теперь отдувается после смерти.

«Существование призрака не особенно отличается от жизни военного фотографа. Долгие периоды скуки перемежаются вспышками ужаса. Несмотря на оживленность твоей посмертной вечеринки, чаще всего ты наблюдаешь за людьми, которые глазят на вещи. Люди вообще постоянно глазят, пердят не переставая и слишком часто трогают свои гениталии.

Большинство, конечно, уверено, что рядом никого нет, — и, как обычно, ошибается. Рядом с тобой — рукой подать — самое меньшее сотня насекомых и триллионы бактерий на всем, к чему ты прикасаешься. И некоторые из них действительно за тобой наблюдают.

Рядом все время кто-то висит в воздухе или пролетает мимо, хотя большая часть тех, кто висит в воздухе и пролетает мимо, интересуются тобой не больше, чем ты дождевыми червями. Вот и сейчас поблизости минимум пять призраков. Один, кажется, даже читает, заглядывая через твое плечо».

ЮЛИЯ ШЛЯПНИКОВА, «НАЛИЧНИКИ» («ПОЛЫНЬ»)

Есть как минимум три причины беспокоиться за Аню. Во-первых, ее недавно бросил жених, получивший работу в США (они еще, конечно, встретятся). Во-вторых, Аня пишет книгу — и задуманное никак не выходит. А в-третьих, она видит призраков — этот дар достался ей по наследству. И вот Аня решает узнать историю своей бабушки-татарки: поднимает документы, отправляет запросы в архивы и понимает, что все это связано не только с родным городком, куда ей предстоит вернуться, но и с печальной историей любви, а также родовым проклятием. Как развеять его и завоевать сердце Руслана, мертвая бабка которого против отношений с русской девушкой? Призраки подскажут.

Дебютный роман Юлии Шляпкиной скорее напоминает развернутый киносценарий: максимальная динамика, обилие диалогов и минимум спецэффектов при производстве. Хотя пейзажи, в том числе городские, автору удаются мастерски. И, как видно из текста, столь популярные на нынешнем рынке этнические мотивы проникают не только в фэнтези, но и в мистический реализм. Здесь нет слишком цветастого колорита, превращающего текст в «клюквенный» фарс и пародию, — приправа из элементов татарской культуры не перчит и не кислит; национальные блюда, фразеологизмы, обычаи и исторические факты использованы в меру. Юлия Шляпкинова играет с максимально реалистичным сюжетом, нотка потустороннего в котором помогает связать все линии воедино — центральная нить повествования тянется сквозь столетия. Начало она берет во времена почти что легендарных предков Ани, являющихся ей во сне. Да и в целом сюжет «Наличников» строится на заполнении «слепых зон» семейной саги, которые неизвестны главной героине, зато известны некоторым родственникам и посторонним. На эту белоснежную нить Юлия Шляпкинова нанизывает бисер из других не менее важных тем, заставляющих героев рефлексировать: это и возвращение в родные края, и настоящая любовь, оказавшаяся «под запретом», и потеря родственников. Тяжело видеть, когда призраки родных — и без того являющиеся только тебе, — тают на глазах. Отправляются в небытие.

После прочтения складывается ощущение некой черноты, но в наилучшем смысле; все в романе собрано не по законам Голливуда, без лишнего экшена, сценариев и жутких монстров-призраков с мерзкой энтоплазмой. У Юлии Шляпкиной получаются не «Охотники за привидениями», а скорее один из фильмов Тарновского, где пролет намеры и размеренный закадровый голос могут длиться несколько минут, но зритель (в нашем случае — читатель) получит от этого невероятное эстетическое удовольствие. Плавные, неспешные, окутанные легким мистическим флером — все это как нельзя лучше характеризует «Наличники».

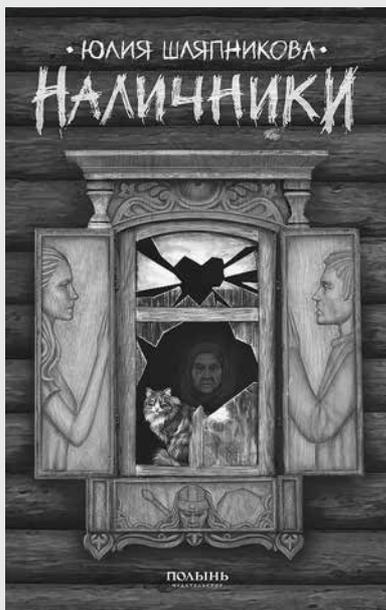
«Он любил Город, а Город любил его. Каменный, местами мрачный, местами очень светлый и почти сказочный. Но сказка эта скорее напоминала истории братьев Гримм в оригинале — с отрубленными ногами сестер Золушки ради принца и казненной мачехой. Руслан любил гулять по историческому центру, петлять узкими улочками, спускаться с Третьей горы и подниматься на Вторую, сворачивать в подворотни и находить советские дома с памятными табличками в честь писателей и художников. Похожий на восточный замок дом Кекина дарил ему воспоминания о детстве — у родителей была квартира прямо напротив него, в розовой сталинке. Руслан продал ее почти сразу, как стал сам распоряжаться отцовским наследством, из которого бабушка и дед не тронули ни копейки, растя его на свои деньги.

Думая об отце, Руслан сразу вспоминал картины Рериха. Ему было пять, когда они с родителями и братьями поехали в Петербург на каникулы — незадолго до той аварии. Отец водил их в Русский музей, а перед одной картиной они остались вдвоем — мама увела братьев в другой зал, потому что от ярких рериховских красок у нее заболела голова. Это были «Огни победы». От словно и вправду развевающегося на ветру пламени дозорной башни у Руслана заслезились глаза — будто от дыма. Всадники перед башней так врезались ему в память, что спустя годы, оказавшись снова перед этой картиной, он вспомнил ее так ярко, что аж голова закружилась».

ШТЕФАНИ ФОР ШУЛЬТЕ, «МАЛЬЧИК С ЧЕРНЫМ ПЕТУХОМ» («ФОЛИАНТ»)

Одиннадцатилетний Мартин везде ходит с черным петухом; конечно, все в деревне думают, что птица — воплощение самого дьявола. Так что среди местных мальчишек — изгой; к тому же его отец однажды зарубил всю семью топором. Не тронул только Мартина. Однажды в деревню приезжает художник, забирает Мартина с собой, заранее запечатлев его на картине в образе Иисуса на руках Девы Марии. Мальчик попадает в большой мир, где еще успеет познакомиться с рыцарями, прибыть ко двору напризной герцогини и пожить с шутком и палачом в одном лице. Все ради того, чтобы отыскать Черного Рыцаря, похищающего детей. Замешан ли тут Бог или Дьявол? Сам Мартин наверняка ответил бы «нет». Парадоксально, но он, как объект всех деревенских суеверий, оказывается целиком и полностью человеком разума. Слово живет уже в иную, более просвещенную эпоху: не верит ни в проклятия, ни в колдовство, ни в «бес попутал». Считает это просто отговорками. И этот образ мышления, как и недоуменная смекалка, не раз поможет ему.

Штефани фор Шульте, современный немецкий автор (на языке оригинала книга вышла в 2021-м), пишет весьма своеобразный роман. Начать

стоит хотя бы с того, что под накидной из, как кажется по описанию, приключения бунвально спрятано переработанное под романную форму и чуть упрощенное для современного читателя житие святого (именно как литературный жанр). Не просто так самого Мартина рыцари назовут мальчином с глазами святого. Герой действительно несет свет и своего рода «божественное откровение», которое современниками останется не понято — хотя заключается в банальной доброте и терпимости к ближнему. К тому же мальчица через весь текст ведет некая сверхъестественная сила в облике черного петуха — тот будет говорить с Мартином и помогать ему преодолеть всяческие испытания. «Мальчик с черным петухом» — скорее философская притча с минимальным элементом волшебства. В одной из сцен петух говорит Мартину, что, мол, все волшебное даровано ему лишь для того, чтобы лучше понять реальное. Так и этот текст окружен небывалым лишь для того, чтобы еще ярче показать *бывалое*: ямы с трупами детей, несправедливость, болезни, лицемерие, кровавые бойни и пепел сожженных тел. Красиво написанная, осмысленная, местами мрачная история с хорошим концом помогает понять — тут вновь просится цитата, — что все происходящие с Мартином порой «так же неправильно, как и все остальное в этом проклятом мире». И, может быть, свет, зажженный мальчином и его петухом, заставит людей замереть, задуматься и измениться.

«Было что-то искаженное и уродливое в том, что мальчик, не имеющий ничего, но и никому ничего не должный, обладал куда большей порядочностью, тогда как деревенские подстраивали все правила и заповеди под свое удобство и были так довольны при этом своей поганой жизнью и собой, что непристойно было даже глядеть на них. Как они давали друг другу тепло, зубоскаля и гогоча, сплетничая и злословя; и прекрасно чувствуя себя друг с другом, как свиньи в грязи. Знал художник этих женщин, они

бегут к соседке быстрее лани, чтобы поделиться последними гадостями-новостями о других, заносчиво посмеяться над тем, кто не по нраву им уже одним своим существованием, как этот мальчик, который все их свинское довольство ставит под вопрос. Они самонадеянны. Они жульничают и лгут. Они глупы по сути, но на свой подлый манер расчетливы и хитры. Как может тут выжить ребенок, как может уцелеть мораль среди этих самодовольных мужчин и злобных женщин? И только этот ребенок прочно держится правильного пути, остается стойким и среди насмешек, остается добрым, даже когда водянистые глаза соседки озирают его с осуждением и ненавидят Мартина за то, что он был свидетелем, как она выбивает себе выгоду всегда и всюду, а на людях проповедует самоотречение».

ВИКТОРИЯ ВОЙЦЕН, «ПОЙМАТЬ ОНЕАН» (MARSHMALLOW BOOKS)

Девушка Асин живет в мире парящих островов и воздушных кораблей. Когда она была маленькой, то пропала мама: отец говорил, что ту забрал онеан. И наивная Асин думала, что онеан — один из воздушных нитов, поющих грустную песню. Но теперь Асин повзрослела и уже готова к летным испытаниям: она все же выбрала небо, а не онеан, и теперь должна отправляться в полеты-экспедиции на воздушных кораблях, как некогда ее отец. Надо, правда, досдать экзамены. В этом поможет лучший друг, загадочный Вальденриз — юноша, который знает много историй, никому не раскрывает своего второго имени (их у людей тут по два) и очень любит по-доброму поднальвать героиню, но ради нее готов творить что угодно. Даже ломать летные ранцы, чтобы ее ошибку списали на техническую неполадку. Асин начинает постепенно познавать мир — например, посещает Железный Город и сталкивается со странными аномалиями, и желание найти маму растет, растет, растет. Заодно хочется понять — почему мир такой, наной есть? И что же недоговаривает Вальденриз?

Второй изданный роман Виктории Войцен — нежное и очень романтическое (не романтическое!) фэнтези с элементами притчи в духе лучших историй Хаяо Миядзэки. Автор вновь доназывает, что идеально видит мир глазами героев и транслирует читателю через необходимую оптику. Как в остросоциальной и жутко реалистической книге «Я, собачка» героиня превращала происходящее в мрачную сказку, так и здесь романтизмом события и образы наполняет именно Асин — она видит мир слишком добрым и сказочным. Неспроста Вальденриз называет ее «булкой». Асин трудно принять правду о человеческой жестокости; о том, что иногда не остается иного выбора, как, например, убить человека. Отсюда не только поведение героини, но и все «сладкие» описания-сравнения (время течет то «медом», то «сиропом»); потрясающей красоты солнечные зайчики, бегающие по комнате; да даже сцена встречи родителей Асин на причале наполнена чем-то прекрасным и несбыточным. «Поймать онеан» — будто бы дань уважения Александру Грину. От «Алых парусов», кроме оноломорской тематики, роман перенимает тот же не раз упомянутый дух романтизма. Асин, полная надежд, — маленькая Асоль; такая же, можно сказать, бессовестно оптимистичная мечтательница.

Виктория Войцен на сей раз работает с жанром приключения. Героиня и читатели посетят разные локации: от Первого, летающего острова до таинственного Храма Солнца. Впрочем, если читать внимательно —

намени трудно пропустить, — становится понятно, что мир «Поймать океан» постапокалиптичен. Здесь когда-то жили другие люди, но потом стали умирать от болезней; и все вокруг вскоре преобразилось. Некоторые герои даже утверждают, что помнят былые времена. И этот нюанс текста немаловажен. «Поймать океан» — история с двумя бурными смыслами-течениями. На личностном уровне это весьма стандартный young adult о борьбе с собственными страхами и о принятии реальности таной, какая она есть. Со всеми жуткими тайнами, жестокостью и несправедливостью. На социальном же уровне это притча о человеческой природе, жестокой и все еще существующей даже в мире, полном чудес. Но прежде всего перед читателем увлекательный, по-своему милый и очень добрый роман, не имеющий никакого отношения к эскапизму, — Виктория Войцен просто водит тропами, с которых намного лучше видно нашу действительность в ее полноте: с плюсами и минусами.

«Асин теперь немного больше походила на мать — так считал папа. Не внешне, нет, но постоянным желанием видеть бесконечную синеву, дышать ею. Папа тревожился, подолгу держал ее руки в своих и растерянно смотрел на ее тонкие пальцы. Он не говорил ничего, но Асин понимала и так, поэтому старалась возвращаться из полетов быстрее и рассказывать о чем-то постороннем — например, о подвесках-солнцах или о мальчишках, гонящихся друг за другом у церкви. Папа улыбался и благодарил глазами, а потом обещал, что скоро, в один из праздников, обязательно подарит ей какое-нибудь украшение. Возможно, даже привезет со Второго.

А пока Асин повсюду таскала с собой птичку, ту самую, подаренную папой в далеком детстве. Она давно сломалась — трещала, когда ее пытались завести, и недовольно дергала лапками. Поэтому ключ от нее, толстый и полый, Асин оставляла дома, на прикроватной тумбочке. Зато игрушка с изящными металлическими перьями звенела внутренностями в кармане юбки и напоминала о себе, ударяясь круглым боком о бедро. Иногда Асин с ней даже разговаривала, но тихо, чтобы никто не услышал. Папа предлагал заменить лопнувшие шестерни, но пока лишних деталей не было — все уходило в работу. Так и гуляли они вдвоем — Асин и сломанная птица. Пока однажды на пороге их дома не появился Вальдекрис».

МАРИЯ ГУРОВА, «ВЕРЕВОЧНАЯ БАЛЛАДА. ВЕЛИКИЙ ЛИС» (LIKE BOOK)

В Like Book продолжает выходить цикл Марии Гуровой. Вновь — две повести под одной обложкой. Действие разворачивается в высшей мере эклектичном выдуманном мире, где чуть видоизмененные события артуровского цикла происходят в государстве, напоминающем страну XX века. Согласно пророчеству, должен появиться истинный король. Только тогда закончится затяжная война. Мария Гурова, нан и ее герои, исследует природу этой войны, ее истоки. И каждый раз выбирает определенный подход. «Веревочная Баллада» — автономная повесть, глобально — о любви, локально — о кукольном театре, герои которого оживают. «Великий Лис» — прямое продолжение повести «Король под Горой». Молодой Илия Гавел стал правителем и теперь окончательно и бесповоротно погряз в политических интригах. А еще ему предстоит узнать самые неожиданные факты о родственниках, в том числе о тех, которых он тановыми никогда не считал. Рядом с Илией — рыцарь Тристан Трувер (помним, что за временную основу взят XX век, и рыцари

тут не совсем каноничные), об отце которого Мария Гурова расскажет в «Веревоочной Балладе». Тристан — верный друг и соратник, но не всем государственным деятелям нравится такая непорочная преданность... Нужно сделать все, чтобы наступил мир; но что придется предпринять, если на кону — судьба и жизнь родных?

Мария Гурова жонглирует пестрым сочетанием не только эпох, но и стилей; продолжает играть, переиначивать и сшивать заново жанры средневековой литературы, выворачивать наизнанку ее канон. Плутуловской роман об оживающих кунлах переплетается с осовремененным рыцарским эпосом, но за всеми тонкостями филологической игры и грохотом металлических сапог масштабных военных событий не теряются герои. Весь цикл действительно посвящен осознанному анализу войны (у Марии Гуровой тут подход историка) как феномена человеческой цивилизации. Откуда берутся войны, куда они приводят, как отражаются в наших мифах, сказках, эпосах? Но не стоит думать, что под обложкой ждет тонна мертвых и сухих слов, поток сознания. Всеми «исследованиями» Марии Гуровой руководят герои, они — центральные фигуры этого филологического и стилистического театра; перед читателем истории дружбы и предательства, любви и преданности своему делу, коварства и ненависти. «Веревоочная Баллада. Великий Лис» — книга прежде всего о человеческой природе; о том, как остаться собой во времена перемен и не дать Истории превратить себя в марионетку, дерущуюся на потеху толпе.

«Потом» затянулось на две недели. Мир как будто замер перед бурей, все процессы, казалось, замедлились, лишь неустанно накапливались силы и припасы, чтобы вскоре начать стрелять крупнокалиберными патронами и острями, горячими речами. Тристан готовил ритуал, Лоретт стягивал войска, Первый Советник и Лесли отлаживали работу во Дворце и Белом Сердце, Илия I наконец делал то, что положено делать королю, — правил.

Через семнадцать дней на северной границе остановился поезд под белым флагом. В последние дни это было не редким событием — так кнудцы иногда сдавались в плен. Но в этот раз поезд оказался пуст, кроме одного вагона. Посылку — огромный ящик — вскрыли на границе и досмотрели, а после направили прямоком во дворец вместе с запечатанным письмом для королевы. На получение пригласили Илью и вручили ему письмо, адресованное “Ее Величеству Леславе Гавел” с подписью с другой стороны “Фельдъярл Хаммер Вельден”. Илья повелел вскрыть печать в его присутствии и проверить послание на наличие ядов и иных опасностей. Бумага оказалась безопасна и чиста, если не считать нескольких скромных строк, выведенных каллиграфическим почерком, которые король не стал читать раньше матери. Но при взгляде на ящик он догадывался, что в нем. Кто в нем. Он скорбно посмотрел на лакированные доски и, не взглянув внутрь, повелел: “Подготовьте его к церемонии”.

Илья почувствовал, что его лицо стекает вниз, подобно воску: носогубные морщины, мешки под глазами, — все они тянутся вниз. А когда Илья прошел мимо зеркала в маминной комнате, увидел, что цвет кожи тоже сделался восковым. И сам король будто догорел. Лесли он сказал: “Я не знаю, надо ли тебе его читать”.

ЭЙЛИН РЕЙ, «СЛЕЗЫ ЭРИИ» («МИФ»)

В мире Эйлин Рей — одном из его, снажем так, «измерений» — поклоняются каменному обелиску, как некогда римляне поклонялись богу Митре в похожем облике. Легенды гласят, что это богиня Эрия, в мифические времена обращенная в камень и до сих пор плачущая. Ее слезы-кристаллы стали магическими артефактами. Другая важная особенность мира — таммиру, запертые в звериные тела люди, которые когда-то давно безжалостно убивали и пили кровь, за что были наказаны ведьмами. Со всем этим причудливым коктейлем предстоит столкнуться Алессе — она вообще случайно попала в это «измерение» под названием Гехейн. Такие случаи, правда, уже были. Теперь Алесса мечтает вернуться домой — все даже идет к этому, пона... пона она не встречает одного из звероподобных таммиру, пона не случается страшный (как говорят, алхимический) пожар и пона ей не приходится уйти на болота к ведьмам, чтобы узнать ответы на накопившиеся вопросы.

«Слезы Эрии» — первый том трилогии. Это большой монолог-вступление к основным событиям, которые развернутся в следующих книгах. Роман разделен на две части. Первая — «обычная» жизнь Алессы в чужом мире и первые встречи-странности, вторая — путешествие на болота и его последствия. Видно, что автор принципиально окунает читателя в историю не спеша. К этой фэнтези-симфонии долгое, мелодичное, проработанное и очень детальное вступление. Оно, по сути, длится всю первую часть романа — что, конечно, создает эффект полного погружения, однако замедляет чтение. Но все меняется на середине книги, и темп повествования растет с каждой страницей — опять же, Эйлин Рей не давит на педаль газа слишком резко. Нет сомнений, что к следующему тому события ускорятся и читатель получит увлекательный квест в поисках ответов на накопившиеся вопросы: почему кто-то захотел, чтобы Алесса задержалась не в своем «измерении», за что на самом деле поплатились таммиру и все ли так просто с богами этой вселенной? Основные события, к слову, разделены небольшими интерлюдиями, которые автору удаются

особенно хорошо. Красивые и загадочные, они только множат тайны и побуждают следовать за героями в гущу вероятных неприятностей. Неприятности, можно не сомневаться, тоже будут множиться.

В целом «Слезы Эрии» — классическое фэнтези с проработанным авторским миром, которое, как бы странно это ни звучало, можно отнести к условному «экологическому фэнтези». Да-да, бывает и такое. Первые мысли о подобном возникают еще во время чтения посвящения к роману, а потом, по мере знакомства с миром и привычками его обитателей (например, из страха перед тамиру те особо не заводят домашних животных), понимаешь, что заявленный разговор «о братьях наших меньших» — не пустые слова.

«Однажды из погибающего мира в Гегейн прибыли новые люди, которые привели с собой собственного бога. Будучи великодушными, Ольм и Эрия приняли чужой народ и их отца — Гестафа. Вскоре Гестаф очаровал Эрию, любовь к нему поглотила ее, и ради этого чувства она совершила непростительный поступок. Эрия похитила Силу своего мужа и вместе со своей собственной преподнесла Гестафу как дар их будущему союзу и правлению. Но Гестаф предал Эрию. Он обратил ее в камень, заточив вместе с ней и великую Силу, которую мог черпать, когда того пожелает. Наступили темные времена: старая магия и письмена, подаренные Ольмом своим детям, утратили Силу, а ткань мира истончилась настолько, что Гегейн наполнился невиданными существами, многие из которых были столь же злы и жестоки, как и Гестаф. И он с жадностью правил этим темным миром, погрязшим в безумии... Мальчик обмяк в руках ведьмы, провалившись в беспокойный сон. Женщина не успела поведать ему о той, которая отдала свою жизнь, чтобы подарить миру второй шанс, о той, по ком Эрия проливает слезы и о чьем прощении молит по сей день».

Нон-фикшен

МАРТИН ДЖ. ДОЭРТИ, «БУДДИЙСКИЕ МИФЫ»
(«ФОЛИАНТ»)

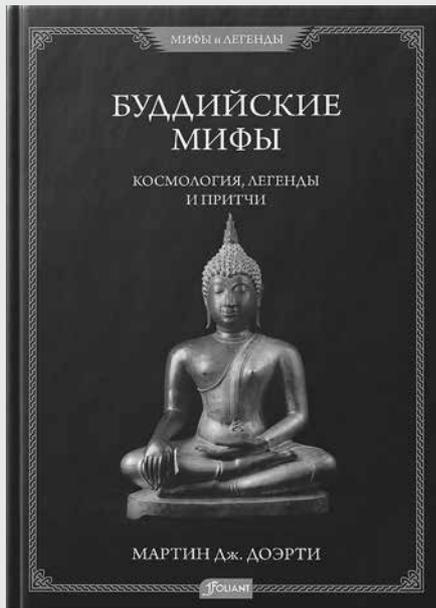
Давайте развеим первый миф. Будда — это не конкретный человек. Так называют того, кто достиг просветления. Точно так же, например, небезызвестный Баал — не конкретный бог, а лишь слово со значением «господин». Вот теперь можно говорить и о новинке «Фолианта» в серии «Мифы и легенды». На этот раз читателю подробно, с красивыми врезками и иллюстрациями, объяснят все о философско-религиозном учении, которое исповедует десять процентов населения планеты.

Издание разделено на шесть глав, в каждой из которых последовательно открываются и вполне заурядные, и неожиданные факты о буддизме: от истории возникновения учения до его смысла. А вот немного из нетривиального: боги (дэвы), как и другие живые существа, заперты в цикле перерождений и далеко не всемогущи; изменениями в мире управляет закон «двенадцати причин»; а Будда (уже конкретный человек — Сиддхартха Гаутама) победил сексизм до того, как это стало мейнстримом. «Буддийские мифы» — красочный и качественно изданный путеводитель. Содержание поймет даже тот, кто о буддизме вообще ничего не слышал. Этим, к слову, и прекрасна серия «Мифы и легенды» от «Фолианта»: в простых словах и ярких изображениях она рассказывает о наследии мировых культур от Египта и Индии до Рима и старой доброй Англии.

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ, «ШУМЕРО-АННАДСКИЙ ЭПОС
НИНУРТЫ» («НАУКА»)

Если предыдущий нон-фикшен будет понятен любому, то эту книгу лучше читать, уже будучи знакомым хотя бы с основными понятиями шумеро-аннадской культуры: списком главных богов, примерным представлением о хронологии цивилизации Междуречья и основными мифологически-религиозными понятиями. Конечно, и без этого можно приступать к древнейшему эпосу человечества (на данный момент) и сопутствующим ему текстам, собранным в книге. Но мало что будет понятно. Даже после прочтения пояснений и сносок.

Но самая ценная часть издания, помимо группы текстов в актуальном переводе, — это развернутый комментарий Владимира Емельянова, ведущего (и самого медийного) российского ассириолога. И это, давайте уж говорить откровенно, сокровище для погруженного в тему читателя. Во-первых, Емельянов показывает, почему вообще эпос о боге-герое Нинурте появился, — ведь любому «феномену литературы» предшествуют те или иные социально-исторические процессы. Что такого вдруг вздумалось учудить царям Шумера и Аннада и как с этим связаны надписи на статуях? Во-вторых, будет здесь практически построчный разбор текста — автор объяснит, как головы чудовищ на колеснице соотносятся со знаменами вражеских племен, при чем тут знаки зодиака, годовой цикл и шумерский праздник в честь Нового года. Владимир Емельянов — от ученого такого уровня, впрочем, другого и не ждешь — строит все гипотезы не только на личных оригинальных предположениях, но и на дополнении (или опровержении) теорий других ученых.

И в-третьих, конечно, читателя ждут самые неожиданные факты, еще раз доказывающие, что литературная и мифологическая традиции Ближнего Востока пустили корни и в христианство. Так, символы-животные четырех евангелистов напрямую связаны с образом чудовища из одного видения, а то, в свою очередь, связано... опять со знаками зодиака! Исключительно в научном смысле.

